

Т. Г. МАСАРИК: ОТ «РУССКОГО ВОПРОСА» К «РУССКОЙ АКЦИИ»

Трехтомный труд философа и первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) «Россия и Европа», вышедший в Германии в 1913 году¹, является результатом развития концепции «славянской взаимности», а также русофильских настроений, господствовавших в среде чешской и словацкой интеллигенции в период национального возрождения; книга Масарика стала своеобразным доказательством необоснованности мысли об особом положении России среди других славянских народов.

До сих пор существует терминологическая неоднозначность и смешение понятий «славянская взаимность» и «панславизм»², в ряде случаев термины выступают как синонимы. Это обусловлено тем, что в различные исторические периоды в разных странах под панславизмом подразумевали противоположные явления. Г. В. Рокина связывает появление термина «панславизм» с работой Яна Непомука Геркеля³, который называл «панславизмом» языковую общность славянских племен⁴, и подчеркивает неполитический характер панславизма в начале XIX в. Уже А. Н. Пыпин⁵ писал об исключительно литературной и научной направленности чешского и словацкого панславизма, лишенного какой-либо политической программы. Политическую окрашенность термин «панславизм»

¹ *Masaryk T. G. Russland und Europa*. Jena, 1913. Русский перевод: *Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России*. Т. 1–3. СПб., 2000–2004.

² См. об этом: *Ненашева З. С. Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии: Некоторые терминологические и теоретические аспекты // Исследования по истории славяноведения и балканистики*. М., 1981. С. 78–95; *Павленко О. В. Панславизм: Концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение*. 1998. № 6. С. 43–60; *Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения*. М., 1969. С. 25–69; *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968.

³ *Herkel J. Elementa universalis linguae Slavicae, e vivis dialectis eruta, et sanis logicae principiis suffulta*. Budín, 1826.

⁴ *Рокина Г. В. Ян Коллар и Россия: История идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998*. С. 17.

⁵ *Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем*. СПб., 1913.

приобрел к середине XIX в., когда мысль о создании объединенного федеративного славянского государства была популярна в среде австрийских славян. В отличие от концепции «славянской взаимности», о которой еще будет сказано подробнее, «панславизм» иногда воспринимался как скрытая угроза германскому миру, поскольку соотносился с понятием «пангерманизм», что влекло за собой известную оппозицию «славянский мир — германский мир». Масарик считал противопоставление славянства германскому миру невыгодной и исторически не оправданной политической позицией.

Немного проще обстоит дело с концепцией «славянской взаимности»⁶, автором которой по праву считается словацкий будитель⁷, ученый и поэт Ян Коллар. Термин стал широко употребляться для обозначения этнолингвистического родства, культурного обмена и сотрудничества между разными славянскими племенами после публикации поэмы Коллара «Дочь Славы» (1824, последняя редакция — 1851), в которой аллегорически отразились надежды на лучшее будущее славянства, и последующей статьи «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими»⁸. Статья явилась первым теоретическим обоснованием идеи о славянской солидарности, она не несла никакой политической программы, но лишь доказывала право славян на создание союза на основе языковой, этнической и культурной общности.

В рамках настоящей статьи нам представляется необходимым развести понятия «славянской взаимности» и «панславизма»: под

⁶ См.: *Досталь М. Ю.* Исследования по проблемам славянской идеологии в институте славяноведения и балканистики РАН // *Славянский мир: Проблемы изучения.* Тверь, 1998. С. 48–55. *Рокина Г. В.* Панславизм // *Рокина Г. В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей. Казань, 2005. С. 5–30; *Матула В.* Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // *Советское славяноведение.* 1978. № 2. С. 58–71; *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984; *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964.

⁷ Будители (чеш. *buditel*) — общепринятый термин для обозначения деятелей чешского и словацкого национального возрождения: ученых, литераторов, политиков, философов. Особым авторитетом у будителей пользовалась Российская империя, являвшаяся единственным свободным славянским государством с национальным языком и литературой.

⁸ *Kollar J.* Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation. Pesth, 1837. Чешский перевод: *Kollár J.* O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečími slovanského národu / Přeložil Jan Slav. Tomíček. V Praze, 1853. Русский перевод: *Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // *Отечественные записки.* 1840. № 1. Отд. II. С. 1–24; № 2. Отд. II. С. 65–94.

«славянской взаимностью» будет пониматься этнолингвистическое родство славянских племен, стремление славян к культурному и литературному сближению и установление утраченных межславянских связей. Термин «панславизм» и его варианты (например, русофильский панславизм) будет использоваться только для обозначения политической стороны идеи о славянской общности.

Подробное рассмотрение концепции «славянской взаимности», а также политических дискуссий, развернувшихся вокруг программ австрославизма и русофильского панславизма, не является предметом настоящей статьи. Однако без учета сложных и неоднородных процессов, протекавших в чешском и словацком обществе на протяжении XIX века, невозможно восстановить культурно-исторический контекст, обусловивший появление фундаментального исследования Масарика «Россия и Европа» и объясняющий внимание чешского философа к «русскому вопросу»⁹, а также серьезную критику им русской политики и церкви.

На современном этапе изучения наследия Масарика и его вклада в мировую историю одной из наиболее актуальных проблем является установление связи между концепциями Масарика и более ранними этапами истории философской и политической мысли чехов и словаков. Именно сейчас, когда отдельные аспекты жизни и творчества Масарика изучены уже достаточно хорошо, открывается перспектива для исследования Масарика не как уникального явления чешской и словацкой истории XX в., а как славянского патриота, чьи труды органично связаны с идеями деятелей национального возрождения, а также более ранними периодами чешской и словацкой истории. Именно такой подход позволит систематизировать достаточно пеструю, мозаичную картину, сложившуюся в масариковедении почти за столетие; первые работы, посвященные чешскому философу и его взглядам на политику и историю, начали появляться уже в начале XX века¹⁰.

Внимание исследователей, работающих практически во всех сферах гуманитарного знания, к личности первого президента Чехо-

⁹ Терминология Масарика, который называл «русским вопросом» («*Ruská otázka*»), в противопоставление «чешскому вопросу», споры об особом положении России среди других славянских народов. Под «чешским вопросом» («*Česká otázka*») Масарик подразумевал комплекс проблем, связанных с чешской историей, призыванием чешского народа, а также поиском верного пути развития чешской и словацкой государственности. См. об этом: *Masaryk T. G. Česká otázka: snaha a tužby národního obrození*. Praha, 1895.

¹⁰ *Horák J. Masaryk a slovanské literatury*. Praha, 1931. *Herben J. T. G. Masaryk: Nástin životopisný*. Praha, 1910. *Denis A. První prezident Republiky Československé Masaryk*. Praha, 1919.

словакии, а также к его деятельности как ученого и политика, было обусловлено многообразием тем и вопросов, над которыми работал Масарик на протяжении всей своей жизни. Систематический характер исследования приобрели в 1932 г., когда в Праге был заложен Институт Т. Г. Масарика (*Ústav T. G. Masaryka*), целью которого было пополнение библиотеки и архива президента, издание и комментирование его трудов. Работа исследовательского института была прекращена в 1954 г. в рамках правительственной кампании, проводимой против Масарика, однако в 1995 г. Вацлав Гавел возобновил деятельность Института. В настоящее время Институт Масарика существует как часть Чешской Академии наук. Чешские ученые тщательно изучили вопросы биографического характера¹¹, а также отдельные аспекты творчества Масарика; в центре внимания исследователей всегда находились воззрения первого президента на историческое значение малых славянских народов, его понимание концепции чехословакизма и роли австрийских славян в Первой мировой войне. Особый интерес историков вызывало основание первой Чехословацкой республики, политологов — демократические идеи Масарика, а социологов — взгляды президента на такие социальные проблемы как национализм, самоубийство, образование, отношение религии и государства.

Современное состояние науки о Масарике в Чехии и Словаки отражают материалы «Сборников Масарика» (*Masarykův sborník*), издаваемых Институтом Масарика¹². Анализ этих сборников показывает, что «русский вопрос», ключ к которому Масарик искал на протяжении всей своей жизни, часто остается за рамками исследований и практически не разрабатывается¹³.

Большой вклад в разработку отдельных аспектов жизни и творчества чешского философа принадлежит английским и американским ученым; по количеству, полноте и широте исследуемой про-

¹¹ Среди наиболее значительных биографических исследований можно назвать следующие: *Opat J. T. G. Masaryk Evropan světoobčan*. Praha, 1999; *Opat J. Filosof a politik T. G. Masaryk 1882–1883 (příspěvek k životopisu)*. Praha, 1990; *Machovec M. Tomáš G. Masaryk*. Praha, 1968; *Patočka J. Tři studie o Masarykovi*. Praha, 1991.

¹² См.: *Masarykův sborník*. IX. 1993–1995. Praha, 1997; *Masarykův sborník*. X. 1996–1998. Praha, 2000; *Masarykův sborník*. XI–XII. 1999–2003. Praha, 2004; *Masarykův sborník*. XIII. 2004–2005. Praha, 2006.

¹³ Среди немногих работ, посвященных русской проблематике, можно назвать следующие статьи: *Kautman F. Rusko a Evropa z Masarykova hlediska // Masarykův sborník*. IX. 1993–1995. Praha, 1997. S. 87–103. *Kovtun J. Kniha s osudem: Masarykova Nová Evropa // Masarykův sborník*. IX. 1993–1995. Praha, 1997. S. 103–111; *Tomáš G. Masaryk a ruské revoluce. Sborník příspěvku z V ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně 19. Listopadu 1997. Hodonín, 1998.*

блематики англоязычные статьи и монографии сравнимы с исследованиями на чешском языке. Этот факт имеет свое историческое обоснование: жена Масарика Шарлотта Гарриг была американкой, семья некоторое время жила в Америке, где Масарик читал лекции на английском языке, целью которых было познакомить американскую общественность с проблемами малых славянских народов¹⁴. Политика связывала Масарика и с Англией, о чем свидетельствует книга Сетона-Ватсона¹⁵, изучавшего взаимосвязи Масарика с английскими политическими деятелями и рецепцию идей чешского философа в английском обществе. Во второй половине XX в. интерес к первому чешскому президенту поддерживался в Америке благодаря деятельности чешских эмигрантов¹⁶, оказавшихся по идеологическим причинам вдали от родины. Спектр исследуемых англоязычными учеными вопросов широк, тематика книг и статей разнообразна¹⁷, однако взаимоотношения Масарика с Россией снова оказались на периферии, уступив место политическим связям Масарика с Америкой и Англией, а также исследованиям отдельных социальных вопросов.

Исследование трудов Масарика, посвященных «русскому вопросу», а также острым проблемам российского общества на рубеже веков, является актуальной и перспективной темой для отечественной богемистики. Личность Масарика еще не получила достаточного освещения в работах российских ученых. Для российской науки характерно изучение Масарика как политика, игравшего видную роль в европейской истории XX в., подавляющее большинство исследований имеют историческую направленность¹⁸. При таком подходе

¹⁴ Текст этих лекций позднее был издан отдельной книгой: *Shillinglaw D. The Lectures of Profesor T. G. Masaryk at the University of Chicago Summer 1902*. London, 1978.

¹⁵ *Seton-Watson R. W. Masaryk in England*. Cambridge, 1943.

¹⁶ *Kovtun J. Masarykův triumf*. Toronto, 1987. *Kovtun J. Masaryk and America: Testimony of a Relationship*. Washington, D. C.: Library of Congress, 1988.

¹⁷ Наиболее известные: *Cohen V. The Life and Times of Masaryk, the President-Liberator: A Biographical Study of Central Europe since 1849*. London, 1941; *The Spirit of Thomas G. Masaryk (1850–1937): An Anthology* / Edited by J. Kovtun, New York, 1990; *Heckscher G. The Role of Small Nations — Today and Tomorrow: Fiftieth Anniversary Lecture of the School of Slavonic and East European Studies of the University of London Given on 19 October 1965*. London, 1966; *Kovtun J. Masaryk and America: Testimony of a Relationship*. Washington, D. C.: Library of Congress, 1988; *Lowrie D. A. Masaryk of Czechoslovakia: A Life of Tomas G. Masaryk, First President of the Czechoslovak Republic*. London, 1930; *Selver P. Masaryk: A Biography*. London, 1940; *Seton-Watson R. W. Masaryk in England*. Cambridge, 1943.

¹⁸ *Сератионова Е. П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального*

за рамками исследований оказываются научные и культурные связи Масарика с Россией, суждения философа о русской литературе и особенностях русской ментальности.

Серьезной попыткой восполнить этот пробел являются архивные розыскания Е. Ф. Фирсова¹⁹, занимающегося связями Масарика с русскими учеными. Это направление разрабатывалось также И. В. Иновым, О. М. Малевичем, И. М. Порочкиной²⁰. Любопытны исследования Е. П. Серапионовой²¹, автора ряда статей по истории Чехии и Словакии, а также истории русской эмиграции в Чехословакии.

Работы по изучению русской эмиграции в Чехословакии, а также идейных, политических и экономических оснований «Русской акции» приобретают сейчас все большую популярность. На наш взгляд, главными задачами, стоящими перед российскими учеными, являются разработка проблем, связанных с пониманием Масариком «русского вопроса», а также установление взаимосвязи между «Русской акцией» Масарика и предшествующим ей развитием чешской и словацкой общественной мысли. Нам представляется невозможным изучение русской эмиграции в Чехословакии без

государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 322–340; *Серапионова Е. П.* Новые механизмы взаимоотношений власти и общества (На примере «первой» Чехословацкой республики) // *Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в.)*. М., 2008. С. 61–82; *Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов: К 150-летию славяноведения в Московском университете*. М., 1987; *Ненашева З. С.* Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1994; *Субботина Е. В.* К вопросу о генезисе чешской радикальной демократии // *Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1991. С. 55–71.

¹⁹ *Фирсов Е. Ф.* Т. Г. Масарик и российская интеллектуальная среда: (По архивам Чехии и России). Часть I. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005.

²⁰ См. сборник: Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005.

²¹ *Серапионова Е. П.* Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире // *Славянский альманах*, 2007. С. 126–133; *Серапионова Е. П.* Российско-словацкие отношения в начале XX века // *Русские и словаки в XIX–XX вв.: Конфликты, взаимодействие, стереотипы*. М.; Йошкар-Ола, 2007. С. 94–100; *Серапионова Е. П.* Современное состояние богемистики в России и за рубежом // *Славянский альманах*, 2006. М., 2007. С. 210–218; *Серапионова Е. П.* Т. Г. Масарик и К. Крамарж: Отношение к России // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 1. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 124–144.

учета широкого исторического контекста, включающего в себя период чешского национального возрождения, а также более ранние культурные, исторические и политические процессы, протекавшие в Чехии и Словакии. Без учета этих факторов исследования, посвященные русской эмиграции в Чехословакии, не отразят в полной мере значение эмиграции 20-х гг. XX в. для чешской и словацкой истории (такого же мнения придерживается Е. П. Серапионова, предложившая для более детального анализа феномена «Русской акции» «учитывать отношение Масарика к России, сложившееся в конце XIX — начале XX столетия, изменение его позиции в годы Первой мировой войны»²²).

В настоящей статье мы сделаем попытку наметить взаимосвязь между идеей «славянской взаимности», развивавшейся в Чехии и Словакии на протяжении более чем столетия, и акцией помощи русским эмигрантам, организованной чешским президентом в 20-е гг. XX века.

Идея «славянской взаимности» — стремления славянских народов к политическому, языковому и культурному единству — начала активно развиваться с конца XVIII века²³, параллельно с процессом национального возрождения²⁴, когда русская литература и русский

²² Серапионова Е. П. Т. Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. С. 61.

²³ Мысль о спасительной миссии России возникла в славянском мире намного раньше. Эдвард Бенеш считает, что комплекс идей, который принято называть «славянской взаимностью», существовал в Чехии уже во времена гуситских войн (*Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 19*). В XVII веке хорват Юрий Крижанич (1618–1683) пропагандировал идею славянского единства, где главная роль принадлежит России. Ученый и писатель, Крижанич был автором трудов по грамматике русского языка, для которых характерно понимание русского языка как основы будущего искусственно созданного общеславянского. В 1659 г. Крижанич прибыл в Москву с целью познакомиться с русским обществом со своими идеями, однако не нашел поддержки и был сослан в Тобольск по подозрению в шпионаже. См. о нем: *Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876; Пушкинцев А. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984.*

²⁴ В истории чешского и словацкого национального возрождения выделяют несколько этапов. Если следовать периодизации Масарика, то их было четыре: 1. Конец XVIII в. — 1810 г. Период Добровского. Для этого этапа характерно сильное влияние философии Гердера, которая определила дальнейший вектор развития чешской и словацкой культуры; 2. 1810–1848 гг. Период Коллара. Попытки найти философское и научное обоснование идее о национальном самоопределении малых славянских народов; 3. 1848–1880 гг. Период Палацкого и Гавличка. Развитие идеи австрославизма; 4. С 1880 г. В этот период на первый план выходят политические вопросы. Необходимо всегда соотносить рассматриваемые собы-

язык оказывали сильное влияние на становление национальных языков и литератур западных славян. На заре национального возрождения славянская идея воспринималась как пропаганда межславянского сближения, установления культурных связей, прежде всего, с Россией.

Первым манифестом «славянской взаимности» стала поэма Яна Коллара²⁵ «Дочь Славы». Масарик в книге «Чешский вопрос: стремления и чаяния национального возрождения»²⁶ отмечает, что поэма «Дочь Славы» имела колоссальное влияние на все последующие этапы национального возрождения; при этом чехословацкий лидер открыто критикует творчество Коллара, упрощавшего неоднозначную картину межславянских взаимосвязей: «Коллар идеализировал славянство. В его мыслях прослеживается много поддельного, поэтического, ложного, иногда даже фантастического»²⁷. Масарик размышляет о вкладе Коллара в развитие чешской и словацкой культуры с позиции представителя реалистического течения философской и политической мысли, а потому критически оценивает любую идеализацию славянства.

Концепция «славянской взаимности» Коллара возникла не на пустом месте, не была плодом фантазии. Ко времени написания статьи «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» этнолингвистическая общность всех славянских племен была научно обоснована и доказана видными чешскими и словацкими учеными, вопросы сравнительного изучения славянских языков и литератур активно разрабатывались в рамках зародившейся во время национального возрождения новой научной дисциплины славяноведения (славистики). Исследования в области славянских древностей доказали родство всех славянских племен на этническом, культурном и языковом уровнях²⁸. Твердый научный фундамент стал основанием идеи «славянской взаимности».

тия с периодами национального возрождения, что важно для правильного понимания исторического контекста.

²⁵ См. о нем: Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист: К 200-летию со дня рождения. М., 1993; *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия: История идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998; *Зайцева А. А.* Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. // *Литература славянских народов*. М., 1963. С. 99–141; *Masaryk T. G.* Jána Kollára Slovanská vzájemnost // *Naše doba*. 1983. Sv. 1–4.

²⁶ *Masaryk T. G.* Česká otázka: Snahy a tužby národního obrození. V Praze, 1908.

²⁷ Там же. С. 57.

²⁸ См.: *Dobrovský J.* Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur. Praha, 1792; *Dobrovský J.* Über die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt und der Böhmen insbesondere. Praha, 1786; *Šafařík P. J.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1837; *Jungmann J.* Historie literatury české aneb soustavný přehled spisů českých s krátkou historií národu, osvícení a jazyka. Praha, 1825.

Коллар наряду с другим известным словацким лидером Людовитом Штуром²⁹ являлся, по выражению Г. В. Рокиной, «символом эпохи всеславянского мифа»³⁰. Трактакт Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная»³¹ (1851) — произведение, происхождение и даже авторство которого спорно, неясны и причины, побудившие Штура, не высказывавшего русофильских мыслей на Славянском съезде в Праге в 1848 г., к написанию призыва к объединению всех славян под покровительством Российской империи³². В рамках настоящей статьи спорные вопросы, связанные с биографией Штура и изменениями в его взглядах на славянский вопрос, являются второстепенными. Наибольшую важность имеет сам факт появления этого трактата в середине XIX века и политическая программа всеславянского, заложенная в нем. Мы будем рассматривать это произведение как документ, запечатлевший умонастроения приверженцев русофильского панславизма, проявляющегося в признании особого места России среди славянских народов и ее объединяющей роли в будущем всеславянском государстве.

В трактате указано три пути славянского освобождения: «1) образование соединенных (федеративных) Государств; 2) образование из Австрии средоточия для всех Западных и Южных славянских племен, так чтобы славянский элемент, как самый сильный в ней, поднятый до высшего Государственного значения, существенно изменил это Государство, или, наконец, 3) присоединение к России»³³. Синтез первого и второго положений являет собой популярную в Чехии концепцию федерации славян в рамках Австро-Венгерской империи³⁴, которая была резко противопоставлена идее о присоединении всех разрозненных славянских племен к России. Можно утверждать, что политическая мысль чехов и словаков находилась между двумя полюсами: русофильским панславизмом и австрославизмом. При-

²⁹ *Рокина Г. В.* О Трактакт Л. Штура «Славянство и мир будущего»: (Канун Съезда 1867 г.) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 73–95; *Huško J. L. Štúr.* Bratislava, 1984; *L. Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti.* Matica slovenská, 1997.

³⁰ *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия. С. 5

³¹ *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. М., 1867.

³² Подробнее об этом: *Рокина Г. В.* О Трактакт Л. Штура «Славянство и мир будущего»: (Канун Съезда 1867 г.) // Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 73–94.

³³ *Штур Л.* Славянство и мир будущего... С. 133.

³⁴ Заключение австро-венгерского соглашения в 1867 г. привело к тому, что Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую империю или Австро-Венгрию.

соединение к России и создание федеративного государства внутри Австро-Венгерской империи были крайними точками, между которыми существовали менее радикальные концепции. Рассматривать историю национального движения чехов и словаков с точки зрения бинарных оппозиций означало бы схематизировать и упрощать ситуацию (Эдвард Бенеш считал, что с политической точки зрения оппозиции австрославизм — русофильский панславизм полностью соответствуют противопоставление демократия — консерватизм³⁵).

Что же, по мнению А. Штура, дает России право «на предводительство в целой славянской семье»³⁶? Это право дается России потому, что, сохранив свою самостоятельность, она спасла честь славянского племени. Одна мысль о существовании великого и свободного славянского государства со своим языком, литературой и культурой долгое время внушала надежду на возрождение малых славянских народов. Уже работы Йозефа Юнгмана³⁷ отличала глубокая вера в грядущую помощь славянству со стороны русского народа. Анализируя истоки концепции панславизма, Масарик называет причины популярности русофильства у западных славян: «...у малых славянских народов <...> стремление найти опору и поддержку в других славянских племенах, а особенно в более сильных с политической и культурной точек зрения, было врожденным»³⁸.

Характерной чертой трактата является преувеличение роли абсолютизма и православия (двух наиболее спорных положений «русского вопроса») в создании будущего объединенного славянского государства. Рассмотрим подробнее роль православия и абсолютизма, какой она представляется автору «Послания славянам с берегов Дуная».

Штур призывает славян отказаться от католической церкви и вернуться к православию³⁹ как к единственной истинно славянской церкви будущего: «О, возвратись к нам снова, святая Церковь наших отцов, подавшая нашим племенам первое благословение с высот Нитры, Велеграда и Вышеграда! Некогда ты уже была готова духовно объединить всю нашу народную семью. <...> лишь только утвердилось господство чужеземцев, постаралось оно о твоём изгнании и о введении на твое место чужой Католической Церкви»⁴⁰.

³⁵ Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 43

³⁶ Штур А. Славянство и мир будущего... С. 144.

³⁷ См. Мильников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973.

³⁸ Masaryk T. G. Česká otázka: snahy a tužby národního obrození. Praha, 1990. S. 26.

³⁹ Святая Мученица Людмила (чешская княгиня, конец IX — начало X вв.) приняла православие и была крещена просветителем и первоучителем славян Мефодием.

⁴⁰ Штур А. Цит. соч. С. 187.

Иллюстрацией к мысли Штура об особом положении православной церкви в славянском мире может служить одно из полотен «Славянской эпопеи» (1910–1928 гг.), величественного, но, к сожалению, почти забытого в наши дни творения Альфонса Мухи⁴¹. Седьмая картина цикла, «Введение славянской литургии в Великой Моравии»⁴² (863–880), оживляет важное для общеславянской истории событие: призвание князем Ростиславом славянских просветителей и первоучителей Кирилла и Мефодия. Муха изобразил момент обречения славянами богослужения; многое на картине символично: молодой славянин на переднем плане в левом углу полотна сжимает руку в кулак (символ единства) и поднимает высоко над головой обруч (круг — символ вечности, возвращения).

С точки зрения Штура, первым шагом к объединению является не только обязательный переход в православие, но и принятие абсолютной монархии в качестве истинно славянского государственно-го устройства, а также единство языка и литературы славян. Мысль о создании единого искусственного славянского языка или принятии русского языка в качестве средства дипломатического общения и культурного обмена между представителями разных славянских племен уходит далеко в прошлое (достаточно вспомнить Крижанича с его идеей общеславянского наречия). Однако в середине XIX в. благодаря успехам национального возрождения в славянских странах эта идея не могла быть привлекательной для чехов и словаков, уже имевших свои национальные языки и литературы⁴³.

Таким образом, можно выделить два основополагающих элемента «русского вопроса»: вера и власть⁴⁴. Объединение славянства

⁴¹ Художник завещал «Славянскую эпопею» чешскому народу, однако в Праге не нашлось места для столь масштабного проекта, а потому все картины были размещены в замке Моравский Крумлов, где они находятся по сей день. Внимание общественности к этому циклу картин привлек скандал: Прага заинтересовалась живописным шедевром, находящимся в забытой в маленьком моравском городке, и решила вернуть творение Мухи. Дискуссии о том, где должны выставляться картины, продолжаются до сих пор.

⁴² Великая Моравия (822–907) — одно из первых славянских государств, включало в себя территории современных Чехии, Словакии и Венгрии; оказало сильное влияние на последующее культурное развитие славянских племен. Точное название столицы государства не установлено, по разным источникам это могли быть города Нитра и Велеград, которые упоминает Штур.

⁴³ См. также: *Ненашева З. С.* Особенности развития идеологии славянского единства в чешских землях в последнее 20-летие XIX в. // *Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века.* М., 1994. С. 127–151.

⁴⁴ В этой связи важно вспомнить знаменитое триединство: православие-самодержавие-народность. Вопросы рецепции идей чешских и словацких

с Россией означало бы неминуемую утрату индивидуальности отдельных славянских наций, а также принятие самодержавия и православия. Поэтому в Чехии в конце XIX в. русофильская концепция не имела широкого общественного резонанса, большее распространение имела мысль об образовании славянской федерации внутри Австро-Венгерской империи, отразившаяся в документах Славянского съезда 1848 г. в Праге⁴⁵.

Русофильский панславизм и австрославизм — полюса, между которыми была заключена чешская политическая мысль, начиная с середины XIX века.

Главным ударом по идее русофильского панславизма было жестокое подавление польского освободительного восстания 1863 г., когда стала очевидна агрессивная политика Российской империи и отсутствие интереса к освобождению и поддержке славянства. Однако «русский вопрос», развивавшийся в чешских и словацких землях на протяжении целого столетия, так и оставался открытым, главным образом, из-за отсутствия достоверной информации о российской действительности и внутренней политике империи, а также из-за наличия устоявшегося мифа о высоком призвании России.

Т. Г. Масарик начал свою научную и политическую деятельность в конце XIX века, когда особенно остро стоял вопрос об экономическом и политическом суверенитете славян, а период романтической идеализации славянства был уже в прошлом. Масарик критически оценивал и идею русофильского панславизма, и австрославизм. Придерживаясь прагматической точки зрения, он пытался определить, на чью поддержку славяне смогут рассчитывать в будущем. Именно поэтому он считал ошибочным противопоставление славянства германскому миру, ведь немцы могли бы выступить в будущем союзниками славянства, а также предлагал искать помощи со стороны Западной Европы и Америки.

Фундаментальное исследование по русской истории, философии и литературе, которое современному читателю известно под назва-

общественных деятелей в российском обществе не являются предметом данной статьи, однако представляют большой интерес для исследователей. О восприятии идеи славянства в русской прессе см.: *Malevič O. Znalosti ruskej predrevolučnej spoločnosti o živote a činnosti Ľudovita Štura // Slovan-ské štúdie. Bratislava, 1959. II. S. 339–386; Аксенова Е. П. Русская демократическая печать о славянских съездах 1848 и 1867 г. С. 57–73; Аксенова Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854–1862) // Советское славяноведение. М., 1980. № 4; Аксенова Е. П. Журнал «Русское слово» (1859–1866 гг.) об истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы // История и историки: Историографический ежегодник 1981 г. М., 1985; Дьяков В. А. Славянская идея в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.*

⁴⁵ Славянский съезд в Праге в 1848 г. СПб., 1860.

нием «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России»⁴⁶, является попыткой развенчать миф об избранничестве России среди славянских народов и ее спасительной миссии. Критике чешского философа подвергаются два аспекта российской действительности: православие и самодержавие.

Материалы для исследования Масарик, знавший русский язык и хорошо знакомый с русской литературой, собирал на протяжении нескольких десятилетий. С первых номеров в журнале «Athenaeum», редактором которого был Масарик, появляются обзоры новейших зарубежных изданий о России, отрывки из наиболее авторитетных, преимущественно немецких, книг по русскому вопросу⁴⁷. Все это свидетельствует о неподдельном интересе Масарика, неоднократно бывавшего в Петербурге, к русской культуре и политике.

Изначально Масарик планировал осветить острые проблемы современной России, а также историю страны, сквозь призму произведений Достоевского: «Никто другой из русских писателей не анализировал так, как он, интимные душевные стороны своего народа; никто другой не пытался так, как Достоевский, понять исторические и социальные факты как проявления русской души и психологически объяснить основные движущие силы русской государственной и национальной жизни»⁴⁸. По мысли Масарика, книга целиком должна была быть посвящена творчеству Достоевского, в котором русская идея нашла свое полное отражение: «Я понимаю русский вопрос — а так и необходимо его понимать — как всемирный вопрос философии истории, и Достоевский в этом лабиринте проблем — хороший проводник»⁴⁹. Однако Масарик вышел за рамки первоначального замысла и посвятил Достоевскому лишь третий, последний, том своего труда, который так и не был издан при жизни автора. Именно третий том представляет для нас наибольший интерес.

Как точно заметил А. Л. Бем, Достоевский никогда не интересовал Масарика с литературоведческой точки зрения, чешский философ нашел в нем богатый материал для своих социологических и политических размышлений⁵⁰.

⁴⁶ О сложной судьбе этой книги см.: *Доубек В.* «Россия и Европа»: История книги // Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. СПб., 2003. С. 455–470.

⁴⁷ См., например, перевод на немецкий язык труда французского философа А. Леруа-Болье «Империя царей и русские» в: *Athenaeum. Listy pro literaturu a ktitiku vědeckou. Roč. 1. 15 Duben, 1884, číslo 7.*

⁴⁸ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. СПб., 2003. С. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Бем А. Л.* Осуждение Фауста: (Этюд к теме «Масарик и русская литература») // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 158–179.

Масарик впервые обратил серьезное внимание на романы Достоевского в период написания научного труда социологического характера «Самоубийство как общественное массовое явление современной цивилизации»⁵¹. В романах Достоевского (показательна в этом плане фигура Кириллова из «Бесов») он видел необычную трактовку самоубийства как идеи: «Итак, убийство и самоубийство последовательно вытекают из атеизма, однако между этими двумя следствиями есть существенное различие: убийство — низшая, а самоубийство — высшая ступень проявления собственной воли»⁵².

После публикации исследования о самоубийстве в современном мире Масарик написал статью-рецензию на издание собрания сочинений Достоевского на чешском языке⁵³. В статье он отзывался о русском писателе с большим воодушевлением, считал Достоевского величайшим мыслителем и художником слова, а также настоящим христианином. Однако за годы работы над книгой «Россия и Европа» отношение чешского мыслителя к Достоевскому претерпело ряд изменений: Масарик не принимает более точку зрения Достоевского в религиозных и социальных вопросах, напротив, творчество писателя подвергается серьезнейшей критике и представляется высшим проявлением русского шовинизма: «Всечеловек Достоевского — если приглядеться к нему пристальнее — собственно говоря, шовинист. Если Россия, и только Россия, свята, если Россия, и только Россия, обладает истиной, спасительной верой, то из этого вытекает, что русский должен считать свою русскость — свой русизм, как чаще выражается Достоевский, — чем-то неповторимым, исключительным и совершенно своеобразным»⁵⁴.

Об этих метаморфозах, произошедших в мировоззрении Масарика, написано немало исследовательских работ чешскими и русскими учеными⁵⁵. В рамках данной статьи нам необходимо установить, какие именно аспекты российской действительности отрицает Масарик. Очень важен в этой связи тот факт, что философ рассматри-

⁵¹ *Masaryk T. G. Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881.*

⁵² *Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. СПб., 2003. С. 31.*

⁵³ *Masaryk T. G. Spisy Fedora Michajloviče Dostojevského // Čas. 9. 01. 1892. Roč. 6. Č. 6. S. 18–24. Русский перевод: Центральная Европа. 1932. № 8–9. С. 69–82.*

⁵⁴ *Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. С. 137.*

⁵⁵ В Чехии этим вопросом начал заниматься И. Горак еще в начале 1930-х гг., в России наибольшую значимость имеют исследования О. М. Малевича.

вает проблемы российской истории и культуры с позиции чешского патриота, а значит, ищет ответ на следующий вопрос: могут ли австрийские славяне найти поддержку и опору в Российской империи, и чем полезна Россия в деле освобождения славянства. Достоевский, по Масарику, является воплощением русской идеи; познавший Достоевского найдет ключ к ответу на «русский вопрос».

Критика Масарика лишь поверхностно затрагивает литературные, философские и эстетические проблемы творчества русского писателя. По своей внутренней сути она является политической: через анализ творчества Достоевского Масарик выразил скептическое отношение к программе русофильского панславизма. Книгой о Достоевском, воплотившем, по мысли чешского философа, всю силу русской идеи, Масарик выносит приговор концепции присоединения славянства к Российской империи, показывает, что вера в высшее предназначение России — миф, не имеющий серьезных оснований и не находящий подтверждения ни в истории страны, ни в ее настоящем.

Русофильский панславизм всегда упирался в два ключевых вопроса: православие и абсолютизм. И если последователи русофильского панславизма видят в них высшую добродетель, способную охранить и возродить славянство, то Масарик считает царизм главным злом, делающим невозможной даже мысль о помощи славянам со стороны Российской империи, а также мешающим развитию самой России и русского народа.

Одна из главных идей философии Масарика — это понимание истории (главным образом, политической) как постепенного движения от теократии к демократии. Мир будущего — это демократия, а прошлое связывается с царством теократии, под которым Масарик подразумевает не только главенствующую роль церкви в государственной структуре, но и абсолютизм, являющийся отжившей и недееспособной формой правления. Исходя из подобных установок, Масарик отказывает России в избранничестве среди других славянских народов, полностью отрицает ее особое историческое призвание, поскольку эта страна совсем не далеко ушла от теократии и мало продвинулась на пути к демократии. Таким образом, «русская идея превращается в проблему власти, из куколки русского монаха выглядывает... царь!»⁵⁶. В этой связи важно отметить, что Масарик поддержал первую русскую революцию, так как увидел в ней шаг к избавлению от абсолютизма, а значит движение в сторону демократии как конечной цели в развитии государства: «Царизм — один из главных источников государственных и общественных беспорядков, царизм, как всякая правительственная форма, получает такую революцию, какую заслуживает»⁵⁷.

⁵⁶ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. С. 137.

⁵⁷ Там же. С. 163.

Именно теократия (соединение православия и абсолютизма) лежит, по мнению Масарика, в основе русского национализма, и всю свою критику этой тенденции российской духовной и политической жизни Масарик обрушивает на Достоевского как носителя русской идеи: «Славянскую идею Достоевский, в сущности, понимает как идею русскую, как правило, говорит именно о русской идее <...>. Содержание этой идеи — всечеловек, русский всечеловек. Практически, политически славянская идея является идеей русской, а русские, как считает Достоевский, обладают двойной страшной силой, которая превышает силы всего остального мира, — это прежде всего цельность и духовное единство русского народа и его теснейшая связь с царем»⁵⁸.

Чехи и словаки, по мысли Масарика, должны отказаться от всеславянской утопии под покровительством России и искать альтернативные пути развития, а также поддержку со стороны других государств (в годы Первой мировой войны Масарик обратится за помощью к Америке и Англии).

Однако история распорядилась по-своему: Первая мировая война перекроила карту Европы, дав жизнь независимой демократической чехословацкой республике во главе с Масариком, а приход к власти большевиков поставил точку в развитии русофильского панславизма. Тем не менее, «русский вопрос» так и остался актуальным для молодого государства, каким являлась Чехословакия в 1920-е гг., когда в эмиграции оказался весь цвет русской интеллигенции. История сыграла злую шутку и сместила акценты: теперь уже не Россия спасает угнетенный славянский мир, а небольшое славянское государство предлагает программу помощи России. Автором идеи «Русской акции», направленной, главным образом, на поддержку русских ученых и студентов, оказавшихся в эмиграции в Чехословакии, был Масарик.

Посетив несколько раз Россию, Масарик пришел к выводу, что русский народ в основном необразован и склонен к мистицизму, а потому Россия, несмотря на наличие великой литературы и военные успехи, отстает от цивилизованного мира и представляет собой Европу времен Средневековья. Необразованность и полубразованность чешский ученый находил не только в низших слоях. Так, например, нигилизм Масарик считал самой вульгарной формой полубразованности, а большевизм — торжеством русской необразованности. Это положение Масарик последовательно доказывает в статье «О большевизме», написанной в форме лекции для чехословацких рабочих: «...в России вы не найдете ни коммунизма, ни социализма, и все потому, что русский народ просто недоста-

⁵⁸ Там же. С. 131–132.

точно образован для социализма»⁵⁹. Предводители большевиков, по выражению Масарика, люди одной книги, а это самый страшный приговор для руководителей государства. Исходя из подобных установок, чешский президент считал власть большевиков временной, неспособной укрепиться в стране, а потому организовал программу помощи русским эмигрантам, целью которой была подготовка молодого поколения специалистов во всех областях знаний, которые займут достойное место в будущей демократической России.

Время показало, что концепция Масарика была едва ли не более утопична, чем идея присоединения славянства к Российской империи, однако она была отчасти воплощена в жизнь: многие русские профессора получили материальную поддержку и кафедры в чешских университетах, сотни студентов продолжали обучение на родном языке.

Свое идейное обоснование «Русская акция» получила в 1922 году в меморандуме под названием «Помощь России со стороны Европы и Америки»⁶⁰, который Масарик направил правительствам многих европейских стран. Главная мысль Масарика заключалась в том, что Россию могут спасти только сами русские, а экономическая и финансовая помощь со стороны других государств не является эффективным и дальновидным способом решения «русского вопроса». Единственными русскими, на которых Европа может оказать влияние, — это эмигранты, об их благополучии и надлежит позаботиться правительствам европейских государств.

Однако русофильская концепция была жива в сердцах некоторых чешских лидеров даже после образования независимой Чехословакии. Так, Карел Крамарж⁶¹, занявший пост первого чехословацкого премьер-министра, в решении «русского вопроса» придерживался совсем иных политических взглядов. Убеденный русофил, Крамарж⁶² сочувствовал белому движению и сделал попытку вовлечь в Гражданскую войну чешские легионы, которая была пресечена Масариком, находившим одинаково невозможными как открытую интервенцию в Россию со стороны Европы, так и помощь белогвардей-

⁵⁹ *Masaryk T. G.* O bolševictví. Praha, 1921. S. 11.

⁶⁰ Текст меморандума см. в: *Otevřít Rusko Evropě. Dvě stati ruské otázce roku 1922.* Praha, 1992.

⁶¹ См.: *Серанионова Е. П.* Т. Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 124–147; *Ненашева З. С.* Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 121–131; *Herman K., Sládek Z.* Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971.

⁶² *Kramář K.* Ruská krise. Praha, 1921. Русский перевод: *Крамарж К.* Русский кризис / Пер. с чешск. А. С. Изгоева. Прага; Париж. 1925.

цам силами чешских легионеров. Масарик считал белое движение таким же дилетантизмом, как и деятельность правительства большевиков, а реставрация монархии была для него в силу собственных политических убеждений невозможна. Именно поэтому поддержку со стороны правительства Чехословакии получили социал-революционеры, а не монархисты, и Прага в 1920-х гг. стала эмигрантским центром левых эсеров.

«Русская акция», равно как и история независимой Чехословакии, не была стихийным и случайным проявлением феномена «славянской взаимности»; она явилась продолжением тех политических и культурных процессов, которые происходили в Чехии и Словакии, начиная с конца XVIII века.

Идея всеславянства, тем не менее, не исчезла вместе с исчезновением Российской империи с карты мира. Эта концепция еще раз проявила себя по окончании Второй мировой войны в книге чешского президента, сподвижника Масарика, Эдварда Бенеша⁶³. Первая мировая война заставила чешских лидеров задуматься о значении православия и абсолютизма для славянского мира (Бенеш называет это «кирилло-мефодиевским вопросом»), ситуация по окончании Второй мировой войны оказалась зеркальной: православие сменилось коммунизмом, а абсолютизм тоталитаризмом («вопрос Маркса и Ленина», по выражению Бенеша). Таким образом, «русский вопрос» для чехов, как это предсказал некогда Масарик, снова оказался вопросом власти и веры.

По окончании Второй мировой войны Бенеш выразил надежды на перемены в славянском мире и на возникновение нового славянства, которое сможет решить все старые вопросы. Славянство будущего должно, по мысли Бенеша, непременно отказаться от идеи избранничества одного народа. Внешние изменения могут произойти только после изменения отношений внутри славянской семьи.

Надежды славянства не оправдались и в этот раз: изменения, действительно, произошли, но совсем иные, нежели могли предположить чешские будители, Масарик и его последователи. Безумная идея последователей русофильского панславизма воплотилась в жизнь: на несколько десятилетий чехи и словаки получили русский язык в качестве языка дипломатического общения, а также экономическую и культурную зависимость от России.

В истории русско-чешских и русско-словацких отношений всегда были периоды интенсивного культурного сближения, а потом резко отчуждения. Идея общеславянского единства никогда не исчезала совершенно и время от времени проявлялась в науке и литературе, в живописи и в музыке. В настоящее время мы переживаем период отдаления, когда межславянские культурные связи рушатся, а стрем-

⁶³ *Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947.*

ление к их восстановлению в обществе отсутствует. Если опираться на идеи Масарика, то только изучение культур представителей различных ветвей славянства сможет решить вопрос о положении России среди других славянских народов.

В России имя Масарика долгое время было под запретом: его работы по «русскому вопросу» были запрещены как царской, так и советской цензурой. Именно поэтому сейчас изучение «русского вопроса» в жизни и творчестве Масарика является актуальной и перспективной темой отечественной богемистики.